

ДВА ПРИМЕРА ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ¹

Исследования художественно-выразительных свойств имени собственного имеют уже давнюю традицию, и в этой области сегодня достигнуты весомые результаты. В данном случае мы представляем два небольших этюда, объединённых идеей поиска структурно-парадигматических особенностей в ономастической организации художественного произведения.

Первый образец антропонимической структурированности художественного произведения представляет рассказ В. Тендрякова «Пара гнедых», впечатляющий изысканностью автора в использовании именований персонажей. В рассказе повествуется о событиях лета 1929 года, когда на селе ликвидируется кулачество как класс. Зажиточный крестьянин *Антон Коробов* вынужден уступить свой крытый железом дом бедному, многодетному и непутёвому пьянице *Ивану Семенихину* по прозвищу *Акуля*. Другому бедняку *Миرونу Богаткину* достаётся пятистенок куркуля *Демьяна Пыхтунова*. Проницательный *Антон Коробов* понимает, что единственное его спасение – избавиться от своего имущества и, переехав с семьёй в город, стать пролетарием. Поэтому он «за так» принародно отдаёт *Миرونу Богаткину* своё главное крестьянское сокровище – прекрасную пару гнедых. Бедняк *Богаткин* в одночасье становится владельцем пятистенка, вожаемой пары гнедых и железа с крыши коробовского дома (которое тут же пропивает ему *Ваня Акуля*). Таким образом, кандидат для новой экспроприации готов.

Очевидно, фамилии героев рассказа являются ассоциативно характеризующими: фамилия *Коробов* ассоциируется с чем-то надёжным, уравновешенным, основательным; *Пыхтунов* – с толстым (и богатым в крестьянском понимании) человеком; *Семенихин* – с чем-то немужичьим, мелким (особенно на фоне андронима *Семёниха*, который просвечивается в

¹ Статья, написанная на базе более ранних публикаций автора, опубликована как: Два примера ономастической парадигматики художественного произведения // Материалы по русско-славянскому языкознанию // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С.348-352.

фамилии, и травестированного прозвища *Акуля*), *Богаткин* – с ненастоящим, призрачным богатством. Возможно, в чём-то подобные ассоциации довольно субъективны, но всё же не произвольны: образы каждого из героев соответствуют им.

Уже через эти ассоциативные значения фамилии персонажей вступают в парадигматические связи в образной системе рассказа и образуют его своеобразную ономастическую матрицу. Ещё более усиливается этот вывод за счёт наблюдений над личными именами героев. Оказывается, что народные значения этих имён очень точно соответствуют роли каждого из персонажей. Так, имя *Антон* имеет значение ‘персонаж вертепных представлений, сопровождаемых козой’. А именно нечто подобное разыгрывает *Антон Коробов* с передачей своих гнедых *Мирону Богаткину* на глазах односельчан. Интересно в этой связи отметить, что в украинских паремиях находим такое: *Чуєш, Антоній, віддай мені коні; Антоне, твоя кобила тоне* и под. Учитывая принадлежность украинского и русского имени к единой христианской традиции и к исторически общим культурным переживаниям, можно ожидать наличия чего-то подобного и в русском национальном языке.

Имя *Мирон* также имеет точное для авторского замысла значение ‘простоватый, глупый’. Опять-таки украинский язык иллюстрирует это значение такими присказками, как *Говорив Мирон рябої кобили сон; Ішов Мирін, упав у рів, злетіла ворона, украла Мирона*. Таким образом, и это значение соответствует тому, с каким простодушием *Мирон Богаткин* попадает в устроенную ему судьбой ловушку.

Что касается пьяницы и бедняка-неумёхи *Ивана Семенихина*, то его прозвище *Акуля* соотносится с тем, что в русском народе *акулей, акулиной* называют человека ленивого, неумелого, неопрятного. Происходит это значение в связи с днём св. Акулины, который приходится на 13 июня по ст. ст. и в православном календаре считается нерабочим, но в связи с летней страдой праздновался этот день редко; соблюдал праздник, по мнению мира, только ленивый. Этому значению прозвища соответствует русская поговорка *Акуля, что шьёшь не оттуля?* (с ответом *А я, матушка, ещё пороть буду*), а также и украинский фразеологизм *Видно Кулину, що хліб пекла, бо й ворота в тісті* (при наличии и русского соответствия). Именно таков *Ваня Акуля*.

Разумеется, случайность этих точных соответствий образов персонажей рассказа их именам следует исключить: В. Тендряков как писатель проявляет себя в рассказе не только глубоким знатоком особенностей русского антропонимикона, но и прекрасным мастером его художественного использования. Мастерство, между прочим, проявляется в наличии двух характеристических уровней художественно-смысловой нагрузки имён персонажей: их фамилии ассоциативны, тогда как их имена являются своеобразно говорящими.

Ономастическую гармонию художественного произведения «проверил алгеброй» другой талантливый русский писатель Е. Замятин в романе-антиутопии «Мы». На первый взгляд, странно было бы искать ономастические закономерности в произведении, где персонажи именуются не привычными человеческими именами, а литерными символами с числовым индексом: *D-503*, *R-13*, *O-90*, *I-330*, *S-7411*, *Ю*, *Ф*. Но присмотревшись внимательнее, обнаружим удивительно глубокое системно-структурное содержание этих номинаций, образующее ономастическую парадигму, которая поддерживает весь образный каркас романа.

Первая черта системности выявляется в том, что символично-индексные антропонимы противопоставлены в романе единственному настоящему антропониму *Пляпа* – прозвище робота, обучавшего ещё в детстве главного героя *D-503*. Этим подчёркивается недочеловечность Единого Государства, которое строит аппарат «Интеграл» для покорения Вселенной и граждане которого – не более, чем *нумеры*. Второе противопоставление выражается в том, что мужские имена включают в свой состав согласные буквы, а женские – гласные (о чём есть авторское замечание в тексте романа).

Но наиболее примечательны другие особенности имён персонажей романа. Главный его герой (от имени которого идёт повествование) – математик, строитель «Интеграла» – именуется *D-503*, а его друг-поэт носит имя *R-13*. Их связь-противопоставление как носителей государственно-логического и государственно-лирического (именно таков образ этого певца от государства!) начал открывается через имена: *D* – это математический символ диаметра, а *R* – символ радиуса, то есть половины диаметра. Это подчёркивается и числовой символикой, поскольку сумма цифр в индексе первого имени равна 8, а такая же сумма в индексе второго равна 4, то есть половине от первого индекса. С другой стороны, буква *R* является

зеркальным отражением буквы *Я*, что обыгрывается в тексте романа как $Я=R$. И так, *R* – это своеобразное alter ego *D-503*. Продолжая наблюдение далее, отметим, что оба числа в индексах обоих героев являются простыми числами, и этим подчёркивается их личностный и моральный примитивизм.

В координатах полученной картины своё наполнение получает имя шпиона *S-7411*: буква в его составе соответствует глухому свистящему звуку и координируется со змеевидной графической изогнутостью буквы (нетрудно вспомнить, что *змеёй* можно назвать и шпиона). Симметрия верхней и нижней части буквы соотносится с симметрией числового индекса в имени: $7+4=11$. Как уже и следует ожидать, символ *7411* является простым числом.

Обращение к именам женских персонажей показывает иные закономерности. Имя главной героини *O-090*, на которую *D-503* и *R-13*, в соответствии с *Lex sexualis*, имеют розовые талоны на право обладания ею и с которой втроём составляют «семью», символизирует женственность, совершенство. Именно это является главной чертой героини, которая искренне и беззаветно любит *D-503* и которая, не обладая кондициями государственной нормы материнства, всё же решается родить ребёнка, за что и подлежит показательной казни (при, в общем-то, предательстве *D-503*). Графическая антитеза буквы *O* и буквы *D* в этом смысле отражает антитезу цельности героини и предательской половинчатости и неполноценности героя.

Имя *I-330* носит героиня, которая по заданию подпольного движения сопротивления должна склонить *D-503* как главного строителя «Интеграла» к отказу от этого безумия вселенского масштаба. *D-503* любит её, и тем самым образуется классический любовный треугольник. Литера *I* в этом случае оказывается в буквальном смысле прямой противоположностью литере *O*, и это полностью соответствует образам обеих героинь. В то же время обе они связаны числовыми индексами своих имён таким образом, что $3*3=9$. А весь любовный треугольник объединён наличием в каждом случае элемента *O* (буквы) соответственно *O* (нуля) в именах всех трёх героев.

Ещё один аспект смысловой нагрузки буквы *I* в именовании героини заключается в том, что с точки зрения идеологии Единого Государства, разделяемой и самим *D-503*, любовь – это губительный иррациональный атавизм. А в математике символом *i* обозначается именно иррациональное число!

Имя ещё одной героини, которая по заданию государственной охраны шпионит за *D-503* и также имеет определённые любовные виды на него, составлено автором романа как графическая комбинация имён двух других женщин *I* и *O* – соответственно *Ю*. Тут же уместно обратить внимание, что имя одного фантомного персонажа (термин, напомним, принадлежит Ю. Н. Тынянову) *Ф*, розовый талон которого на любовь с *I-330* случайно обнаруживает *D-503* в её комнате, тоже является мужской комбинацией тех же элементов *I* и *O*. В именах обоих этих персонажей отражена ещё одна закономерность: главные герои именуются двухкомпонентными именами, тогда как второстепенные именуются всего одной буквой.

В конечном счёте все имена персонажей в романе составлены как комбинация двух элементов – дуги и прямой. Отсюда становится понятным ономастический симбиоз кириллицы и латиницы в системе именовании: буква, например, *F* вместо *Ф* совершенно не подходит, так же как и кириллическая буква *С* вместо латинской *S*. Кстати, автору этих строк приходилось видеть иностранные переводы романа, где как раз использовались соответствующие замены кириллических букв на латинские (ср. ещё *Ü* вместо *Ю*). На этих последних примерах демонстрируется, в частности, такое известное свойство, как непереводаемость онимов с одного языка на другой.

В целом же отметим, что Е. Замятин с математической точностью инженера-корабеля и талантливого писателя представил такую ономастическую парадигму художественного произведения, которая функционально соизмерима с той, что представлена и в рассказе В. Тендрякова «Пара гнедых». А с точки зрения теоретического осмысления проблемы оба случая интересны тем, что с исключительной выразительностью демонстрируют общие закономерности художественного воплощения авторского замысла на уровне именовании персонажей произведения.